
ИССЛЕДОВАНИЯ

Литературоведение

М.В. Строганов

«УМОМ — РОССИЮ НЕ ПОНЯТЬ...»

Выбор именно этого стихотворения в качестве материала для моего доклада подсказан мне воспоминанием о В.А. Сапогове. Я хорошо помню, как он любил повторять:

Умом Кот-Дивуар не понять,
Аршином общим не измерить.
У ней особенная статья,
В Кот-Дивуар можно только верить.

На месте одной африканской страны Кот-Дивуара могла стоять другая — Буркина Фасо; эффект был один и тот же. Сейчас опубликован даже анекдот о том, как во время «одного театрального капустника» «ведущий открыл папку и с пафосом прочитал: “Умом Уганду не понять!..” Потом смутился: “Простите, программки перепутал...” Это была пародия на ставшие расхожими идеи о таинственной русской душе и исторической, мессианской избранности России. В комментариях она не нуждалась. Зал смеялся. Пародировалась, надо заметить, не только сама идея, но стилистика советского политического официоза»¹.

Я не знаю, Сапогов ли использовал чей-то чужой анекдот, либо сам он стал анонимным героем этой истории, но это, наверное, и не важно. Важно, что эта история срослась с ним так, что отделить ее от него нельзя. Это его история, это история о нем.

Помнить о шутках любого человека очень важно: шутка больше, чем серьезные рассуждения, раскрывает перед нами духовный мир человека. Она говорит нам о том, что он мог бы написать, но не написал: не успел или не захотел, о том, что он носил в себе, о чем думал и чем жил. Я не смогу написать об этом стихотворении Тютчева так, как В.А. Сапогов. Я даже уверен, что он никогда не стал бы писать об этом: это для него была не тема. Но я, тем не менее, напишу об этом — в память о В.А. Сапогове.

Написать об этом интересно еще и потому, что стихотворная миниатюра Тютчева имеет головокружительную славу: в Интернете она встречается в огромном количестве в заголовках различных статей, заимствованных из прессы всей России: где какая неурядица случится,

¹ Крышук Николай. Последний аргумент // Первое сентября. 2004. 8 декабря. <http://www.religare.ru/print7637.htm/print12613.htm>. Далее цитаты из этой работы приводим без ссылок.

там сразу же берется газетный заголовок: «Умом Россию не понять». Там же, в Интернете, вывешены фотографии, подобные тем, какие раньше висели на досках «Они позорят наш город» в городских садах или публиковались в разделе «Нарочно не придумаешь» из «Крокодила» советских времен, — и тоже с подписью «Умом Россию не понять». И не знаешь, что считать вершиной общественного признания — политическое неприятие, доходящее до ненависти, или стеб, одно или другое объявление из двух следующих. Первое: «Как стало известно из дружественного нам <http://www.liveinternet.ru/journalshowcomments.php?journalid=852233&jpostid=9690215>, сегодня замечательная дата — 28 ноября, в 1866 году написано стихотворение “Умом Россию не понять...” <...> Предлагаю объявить национальным праздником»¹. Второе: «Давно хотел сказать. Какая чушь. Это стихотворение почти полтора столетия оказывает колоссальное влияние не только на культуру в целом, но и на отечественную политическую культуру в частности. Она <!> оправдывает мерзавцев, расхлябывает чиновников, изначально внушает идею бесперспективности каких-либо разумных, рациональных решений. Пораженческая идея!»² И так, и в советском «Крокодиле», и в постсоветском Интернете мы, жители России, осмысляем себя через это стихотворение. Но уже и в досоветской России, в 1896 г. М. Горький в газете «Нижегородский листок» опубликовал пародическое применение тютчевского стихотворения:

Искусство это не понять,
Умом его — нельзя измерить,
И смысла в нем нельзя понять,
Когда Карелину поверить³.

Но можно без преувеличения сказать, что это стихотворение Тютчева репрезентирует Россию и в сознании мирового сообщества. В настоящее время собрано 18 переводов на разные языки народов мира: 7 — на английский язык, по 2 — на немецкий и французский языки, по 1 — на португальский, норвежский, сербский, хорватский, польский, корейский и эсперанто⁴. И ясно, что это не все существующие переводы. При этом оно обсуждается в форуме следующим образом: «Я согласен с

¹ <http://www.liveinternet.ru/users/57599/post9690737>. Здесь и далее мы цитируем материалы Интернета с исправлениями очевидных погрешностей пунктуации и орфографии, так как нас в настоящее время интересует не языковая культура участников чатов, а стихотворение Тютчева.

² http://users.livejournal.com/_mikool_/20799.html#comments.

³ Горький М. Собрание сочинений: В 30 т. М.: ГИХЛ, 1958. Т. 23: Статьи. 1895—1906. С. 177. Мы не комментируем этот исключительно сложный текст Горького, так как данная задача увлекла бы нас слишком далеко от основной темы настоящего выступления.

⁴ www.ruthenia.ru/tiutcheviana/publicatoin/trans/umomrossiju.html.

этим стихотворением, как я его понимаю. Я учитываю, что я не русский, а американец. Но я согласен. По-моему, в нем есть что-то о России, которую я люблю. Я не могу объяснить мои чувства, я не могу рационализировать их»¹; «В свое время это стихотворение было написано как искренняя хвала Тютчева своей стране, в наше время оно получило различные толкования, часто очень насмешливые. Мой личный опыт в России показывает, что это стихотворение, кажется, наиболее отвечает ей <...> Несколько дней назад я пошел на один из многих городских рынков, сосредоточенных при входах в метро. Это бесконечные ларьки, торгующие всем: от вишен до нижнего женского белья. В основном владельцы этих ларьков не русские (это грузины и т. д.), и мне немного приятно, что они говорят по-русски значительно хуже моего <...> Кроме этих ларьков здесь множество babushkas (бабушки или старухи), заполняющих вход в метро, которые продают то же самое, но намного дешевле. Поскольку бабушки не имеют ларьков, они фактически продают вещи “незаконно”. Рядом с ними по крайней мере четыре милиционера <...> Время от времени милиционер прогоняет одну из бабушек. Она покорно уходит и через некоторое время начинает торговлю у другого входа в метро <...> Для меня это ужасно забавно»². Примеров можно привести, как легко догадаться, значительно больше.

Итак, мы видим, что русские читатели, со своей стороны, склонны в истолковании этого стихотворения к стебу, насмешке, иронии или к прямому политико-публицистическому отрицанию, что в одинаковой мере выражает неприятие такой национальной идентификации. Иностранные же читатели, со своей стороны, вполне серьезно воспринимают это стихотворение, соглашаясь, таким образом, с этой национальной идентификацией русских. И не надо думать, что оба эти истолкования

¹ <http://www.blogger.com/profil/8146410>. Ср.: «I agree with this poem from my understanding. I have to keep in consideration that I am not Russian, but American. But I agree. For me, there is just something about Russia that I love. I cannot explain my feelings, I cannot rationalize them». Записи от 15, 17 февраля 2006 г.

² <http://asyagu.blogspot.com/2006/06/blog-post.htm>. Ср.: «While this poem was written as an authentic tribute to his country by Tytchev, in modern times it has taken on a different meaning and is often much satirized. In my personal experience with Russia so far, this poem seems to be most appropriate. <...> A few days ago I went to one of the many markets around the city that are centered on entrances to metro stations. There are endless booths that sell everything from cherries to ladies underwear. For the most part, the owners of these stands are not Russian (they are Georgian, etc), and I get a little private satisfaction from the fact that their Russian is definitely worse than mine. <...> Besides the market booths, there are also a number of babushkas (grandmas, or old women) clustered around the metro entrance who sell many of the same products, but for much cheaper rates. Because the babushkas don't have stands, they are technically selling things “illegally”. Around them are at least four policemen. <...> Every once in a while a policeman will kick one of the babushkas out of her place. She will obediently run off and, after an appropriate length of time set up shop on the other side of the metro. <...> For me, this is pretty funny». Запись permanent link.

произвольны. Произнеся «Умом Россию не понять», мы сразу же провоцируем каламбур «А без ума понять возможно» или еще что-нибудь не менее ироническое.

Естественно возникает вопрос: что это за стихотворение такое, которое вызывает столь многочисленные и заинтересованные реакции?

Напомню текст стихотворения:

Умом — Россию не понять,

Аршином общим не измерить.

У ней особенная статья —

В Россию можно только верить¹.

Академический комментарий к этому стихотворению² повторяет интерпретации И.С. Аксакова из его биографии Тютчева. Напомню эту интерпретацию: «...любовь к России, вера в ее будущее, убеждение в ее верховном историческом призвании владели Тютчевым могущественно, упорно, безраздельно, с самых ранних лет и до последнего издыхания³. Они жили в нем на степени какой-то стихийной силы, более властительной, чем всякое иное, личное чувство. Россия была для него высшим интересом жизни: к ней устремлялись его мысли на смертном одре...»⁴.

А ведь именно эта интерпретация и спровоцировала не утихающие до сих пор ненависть и стеб и демонстрирует историко-литературную неспособность современного тютчевоведения объяснить, что заставило этого человека написать такое стихотворение. Пригляди-тесь к его портретам⁵: фигура обычно развернута на три четверти, редко в профиль. Он то ли глядит, то ли не глядит на зрителя, даже если смотрит в объектив, то видит сквозь него. Он занят собой и кокетливо опирается на столик, который вовсе не всегда предназначен для письма. В руках книга — знак занятий, но она либо опущена, либо отставлена при позировании; она — знак занятий, но не занятие. Он кокетливо кутается в плед, его всклокоченные волосы, конечно, призваны изобразить поэтический беспорядок, хотя на самом деле они просто-напросто пытаются прикрыть уже не прикрываемые проплешины... Что заставило

¹ Тютчев Ф. И. Полное собрание сочинений и писем: В 6 т. М.: Издательский центр «Классика», 2003. Т. 2: Стихотворения. 1850—1873 / Отв. ред. Л. Д. Громова-Опульская. Сост. и общая ред. В. Н. Касаткиной. С. 165.

² Там же. С. 529—530.

³ Эта двойная стилистическая несуразица (1. До чьего издыхания? До издыхания любви, веры, России? 2. До чьего издыхания? Тютчевского? Вот так зятек!) лучше всего демонстрирует путанность мысли автора, его стремление и неумение спрямить и сгладить сложнейший путь поэта. И всё это, к сожалению, не учитывается в апологетических статьях.

⁴ Аксаков И. С. Биография Федора Ивановича Тютчева. М., 1886. С. 76.

⁵ См. об этом: Строганов М. Рец.: Экштут С. А. Тютчев. Тайный советник и камергер. М.: Прогресс-Традиция, 2003 // Новое литературное обозрение. № 68 (4'2004). С. 361—363.

этого человека, имевшего, кроме освященной церковью семьи, еще две разом, написать такое стихотворение? Ведь если верить Аксакову, стихотворение это такое открытое и так подставляет себя под любые издевки и насмешки, так неумно провоцирует пародии и интернетовские приколы, что ему просто нет равных. Ведь не просто ж даже «Умом Россию не понять», а «Умом — Россию не понять», что еще более провокационно. Мог ли такое написать Тютчев, остролов и скептик?

Ну, во-первых, необходимо заметить, что этому тире едва ли следует придавать столь большое значение. Дело в том, что в автографе стихотворения третий стих записан буквально следующим образом: «У ней, особенная статья —». Здесь запятая после слов «У ней» стоит совершенно вопреки всем правилам пунктуации, однако, возможно, она выполняет ту же функцию, что и тире в первом стихе. Во всем стихотворении только здесь словоразделы совпадают с границами стоп; во всех же остальных случаях слова в этом ямбическом стихотворении имеют женские (один раз — гипердактическое) окончания. Если признать эти тире и запятую особой выделенности данных слов в стихотворении, и в этом отношении какое-то особенное значение у знака тире есть, однако вовсе не то, какое он приобретет, если мы изолируем этот стих в отдельное афористически звучащее целое¹.

На вопрос, мог ли такое написать Тютчев, и апологеты, и оппоненты Тютчева единодушно отвечают: мог. Один только голос звучит здесь не в унисон — голос Николая Крыщука, который считает, что если прочитать «Умом — Россию не понять» как стихотворение «на случай», то в нем можно будет увидеть «не столько политическую или религиозную декларацию, сколько сердечное высказывание». В таком случае стихотворение окажется «актуально и органично без исторических натяжек и пафосного подхвата». Вот совершенно правильная посылка, исходить из которой требуют и сами поэты, вспомним А. Ахматову:

Когда б вы знали, из какого сора
Растут стихи, не ведая стыда.

Дело, однако, в том, как применить эту посылку, куда направить свой поиск.

Следует отметить, что Н. Крышук побаивается свести содержание всего этого многозначительного стихотворения к одному породившему его поводу (так в советское время многие исследователи побаивались биографического метода как ограничивающего возможности продемонстрировать широкие связи художника с эпохой) и пишет об этом так: «Велико искушение найти событие, происшедшее в этот день в России и вызвавшее к жизни стихотворное восклицание Тютчева. Но,

¹ Фотокопию автографа стихотворения см.: Тютчев Ф. И. Полное собрание сочинений и писем. Т. 2. Альбом иллюстраций между с. 224—225. Л. 2.

похоже, главным происшествием этого дня в России было как раз создание четверостишия, которое на столетия стало разменной монетой для политиков. Нельзя же считать таким событием то, что в Майкопе было упразднено комендантское управление и крепость объявлена станицей». Разумеется, нельзя, и по-своему Н. Крышук прав, когда утверждает, что «в этом серьезном стремлении подверстать к стихотворению некий исторический факт есть доля наивности. Будто наше негодование, восторг или недоумение вызывают явления, которые потом непременно находят место в исторических анналах. Человек живет другими масштабами».

Но, признавая справедливой общую посылку исследователя, некоторые его построения можно было бы и оспорить. Во-первых, не каждый повод к созданию великих стихов должен быть крупным «историческим» событием, и уж лучше пускай мышь родит гору, а не гора — мышь. А во-вторых, мы почему-то полагаем, что в частной жизни человека не может быть поводов для создания этих великих стихов, между тем мы не всегда всё знаем о частной жизни человека и еще гораздо чаще не всегда всё учитываем, не всегда соединяем все факты в один узел.

В поисках того «случая», на который откликнулся в этом стихотворении Тютчев, Н. Крышук приводит ряд крупных «исторических» событий 1866 г.: «Между тем мозаика событий 1866 года в России пестра. Под Петербургом продолжаются концерты Штрауса, число питейных заведений вырастает до 35 376 тысяч, кредитный рубль падает до 68 копеек, а в российской печати впервые появляется термин “экология”. В этом году упразднена статья 436 Устава, по которому иностранные евреи могли выехать из России на свою родину только при наличии разрешения губернатора. Упразднена (знаете?) под угрозой экономических санкций со стороны США.

В стране полным ходом идет судебная реформа. Суд совершенно отделяется от других ведомств. Мировые судьи избираются населением.

Александр II скрепя сердце переносил и введение открытых судов, и гласность в прессе. Наградой ему могла быть только благодарность народа. Но ответом были крестьянские восстания, угрюмое недовольство дворян и сопротивление бюрократии.

В этом же году полубезумный Каракозов у решетки Летнего сада стреляет в государя. За несколько дней до выстрела Каракозова в печати появляется работа молодого юриста Кони “О праве необходимой обороны”. После покушения автора обвиняют в “одобрении и оправдании действий, запрещенных законом”».

В заключение своей статьи автор сам признает, что ни одно из этих событий не подходит на роль непосредственного повода к созданию стихотворения. Мы со своей стороны добавим еще несколько подобных «исторических» событий, хотя также понимаем, что все они едва ли подойдут к этой важной исторической роли.

Первое. В казачьей станице Афипской (позднее переименованной в Смоленскую), основанной в мае 1864 г. на правой стороне реки Афипис против устья Шебша, «в ночь на 28 ноября 1866 разбушевалась буря, ливень продолжался пять дней, река Афипис вышла из берегов, да так, что на мосту был сбит волной и утонул казак Дмитрий Яковлев, и залила пространство между Афипской и бывшим укреплением Григорьевским. Такие наводнения случались и в последующие годы. В рапорте командующего войсками Кубанской области сообщалось, что “здоровье переселенцев в удовлетворительном состоянии. Рогатый скот приболел, но падежа не замечено. Переселенцы не имеют недостатка в строительном материале, некоторые воспользовались деревянными саклями, оставленными горцами. Переселенцы воспользовались также озимыми хлебами, засеянными черкесами, и большими сенокосами”»¹.

Второе. В ноябре обсуждался вопрос, как вознаградить владельца Мингрелии князя Николая Дадиани за то, если он откажется от своих владельческих прав и передаст этот район Грузии в административное управление российских чиновников. В записке кавказского наместника Александру II от 17 ноября 1866 г. читаем: «Со введением временного русского управления наше правительство, признав необходимым привести в известность имущество и доходы мингрельского владетельного дома, обратило на содержание местного управления сборы и доходы, имеющие характер правительственный с тем, чтобы недостающая затем на содержание этого управления сумма была обращена на доходы Закавказского края вообще. Нет сомнения, что, со введением в Мингрелию постоянного русского управления, окажется со временем необходимым жителей ее сравнить в платеже казенных податей и повинностей с прочими жителями края <...> Кажется, можно бы было, в случае если кн. Николай Дадиани добровольно откажется за себя и своих наследников от прав на владение Мингрелией, оставить ему в виде потомственной пенсии 50 т. р. в год»².

Третье событие 1866 г. могло привлечь еще большее внимание Тютчева, особенно если учесть его внимание к фигуре М. Н. Муравьева. 5 марта 1861 г. министерство государственных имуществ получило задание разработать правила применения Положений 19 февраля 1861 г. к государственным крестьянам. По этому поводу разгорелись споры о юридической природе землевладения государственных крестьян: проект министра государственных имуществ М. Н. Муравьева встретил возражения со стороны министра двора В. Ф. Адлерберга. В итоге Александр II утвердил положение, оставлявшее землю в собственности казны. И только 18 января 1866 г. был издан закон о передаче государст-

¹ http://oadim.severskaya.ru/html/info_rayon/sober/index.php?id=17.

² Печатается по изд.: Документы по истории Грузии. Серия II. Т. 1: Грузия в период буржуазных реформ (1862—1872). Ч. 1. Тбилиси, 1954. С. 678—679.

венных крестьян в ведение губернских по крестьянским делам присутствий, хотя окончательно дело завершилось к ноябрю 1866 г. В ходе его крестьяне нередко выражали благодарность чиновникам министерства государственных имуществ за заботу и попечение об их нуждах¹.

Все эти «исторические» события большого и маленького масштаба, разумеется, можно признать возможными поводами к созданию стихотворения «Умом — Россию не понять...» Однако, думается, разумнее было бы поискать более близкий и более понятный повод в ближайшем окружении Тютчева, так как именно он в большей степени отвечал бы указанию Ахматовой. И такой повод находится.

27 ноября 1866 г. Тютчев направил небольшое письмо А. Н. Майкову, которое приведем здесь целиком:

«Воскресенье

Не пожалуйте ли вы сегодня кушать к нам, дорогой мой Аполлон Николаевич. Дочь моя, Marie, жаждет вас видеть и ставит мне в непрелюбую обязанность вознаградить ее вами за все те балы и спектакли, в которых она уже не участвует. — Приезжайте и привезите с собою возвещенного Карамзина и исправленного Раскольника. Если же, паче чаянья, вам нельзя *сегодня*, то будем ждать вас завтра, в понедельник, к обеду»².

Итак, как следует полагать, либо в воскресенье 27 ноября, либо в понедельник 28 ноября Майков обедал у Тютчевых и читал там свою драматическую поэму «Странник», которую он посвятил Тютчеву и завершал в это время, руководствуясь его многочисленными замечаниями. Первое публичное чтение поэмы состоялось 3 декабря на вечере, посвященном 100-летию юбилею Н. М. Карамзина, для которого сам Тютчев написал стихотворение «Великий день Карамзина...».

В поэме «Странник», основанной на значительно измененном сюжете повести П. И. Мельникова (Андрея Печерского) «Гриша», рассказывается о том, как молодой человек старообрядец Гриша, служащий в доме одной купчихи, восхищается духовными подвигами старца, именуемого Странник, и просит его стать духовным наставником. Однако этот Странник, как вскоре выясняется для читателя, сам большой грешник, он желает избавиться от грехов, но еще вовсе не одолел соблазнов жизни. Сначала он отказывается быть учителем молодого человека, но потом соглашается и требует, чтобы тот плясал и пел «бесовскую» песню «Дядя Селифан». Гриша в ужасе видит в Страннике «князя бесовского» и решает покончить жизнь самоубийством, если в мире невоз-

¹ <http://newciv.relarn.ru/work/2-41/main/refgosde.htm>.

² Тютчев Ф. И. Полное собрание сочинений и писем. Т. 6. С. 187. Здесь письмо Тютчева датируется не позднее 27 ноября 1866 г., хотя указание на близящийся праздник в честь 100-летия Н. М. Карамзина позволяет датировать его однозначно: 27 ноября 1866 г. Только в это последнее воскресенье ноября, почти накануне юбилея, и могла обсуждаться данная проблематика.

можно достичь благодати. Странник, понимая свою греховность, хочет уйти из дома «с миром». Желая развлечь Гришу рассказом о разных формах пустынножителства и таинственного спасения церквей и городов (Кирилловы горы на Волге, град Китеж и проч.), Странник доводит его до религиозного экстаза. Гриша вновь начинает уговаривать Странника взять себя в послушание, тот соглашается, но требует строгого подчинения, и в качестве первого испытания приказывает принести сундук с деньгами купчихи. Когда Гриша приносит сундук, еще не зная зачем, Странник вскрывает его отмычками, ценные бумаги бросает в огонь, а деньги берет себе, потом поджигает дом и сбегает вместе с Гришей. При первой публикации поэмы в самом начале 1867 г. Майков писал, что это только первая часть большого замысла «Жаждающий», но продолжения так и не последовало.

«Странники» произвели очень сильное впечатление на литературную публику. Ф. М. Достоевский писал Н. А. Любимову 16 ноября 1866 г.: «Не могу удержаться, чтоб не написать Вам об одном литературном известии, хотя бы меня сочли сплетником. А. Н. Майков написал драматическую сцену, в стихах, листа в полтора печатных (не менее, может, и более). Это произведение можно назвать, безо всякого колебания, *chef d'œuvre* из всего того, что он написал. Оно называется “Странник”. Три лица. Все трое раскольники-бегуны. Еще в первый раз в нашей поэзии берется тема из раскольничьего быта. Как это ново и как это эффектно! И какая сила поэзии. Я слышал ее на разных чтениях (в домах) и не устаю слушать, но каждый раз открываю новое и новое. Все в восторге. Он будет читать ее здесь на юбилее Карамзина (от Литературного фонда). Изучение быта и сущности его и учений — глубокое и богатое. Много нового. Он мне говорил сам, что на этой неделе едет в Москву предложить это произведение редакции “Русского вестника”. Он никому не хочет иначе. Во всяком случае — это богатое приобретение в нашей поэзии»¹. То, что «Странники» понравились Достоевскому, объяснить очень легко: характеры противоречивые, святые и преступники, — это вполне в манере самого создателя «Братьев Карамазовых», и идея поэмы «Жаждающий» каким-то образом отозвалась в будущих творческих замыслах Достоевского.

Но «Странники» понравились и Тютчеву. В 1894 г. Майков вспоминал в письме к своему сыну: «Любопытно, что этого “Странника” очень любил Ф. И. Тютчев, слышал его в разных местах и раз пять просил прочесть у него в доме разным лицам. Помню, что многое я переделывал и исправлял по его указаниям и замечаниям. Пойди ведь, кажется, европеец был, а как чуял русский дух и владел до тонкости рус-

¹ Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: В 30 т. Л.: Наука, 1985. Т. 28. Кн. 2. С. 170—171.

ским языком»¹. Тут (за отсутствием точных сведений) нам приходится только гадать, почему эта поэма была посвящена Тютчеву, чья была в этом инициатива: самого ли Майкова или адресата — Тютчева? Во всяком случае сам Тютчев радовался успеху поэмы Майкова, как своему собственному. И 16 декабря 1866 г. он писал Майкову: «Спешу вас уведомить, дорогой мой Аполлон Николаич, что императрица желает прочесть вашего “Странника”. Я то узнал от Авроры Карловны Карамзиной, бывшей Демидовой, и потому я советовал бы вам снести к ней вашу рукопись, которую она доставит по принадлежности. — Живет же она в доме Демидова, в Большой Морской — только не в большом доме, а в маленьком, что возле»². Тютчев так хлопочет о «Страннике», что руководит Майковым, как ребенком, боясь, чтобы тот, не дай Бог, не заблудился со своей рукописью. Так и кажется, что он тайно шел за Майковым, когда тот относил поэму для передачи императрице, и стоял, скрываясь где-то на другой стороне улицы, пока не удостоверился, что всё произошло как положено.

Итак, зная всё это, что же удивительного найдем мы в том, что после очередного слушания «Странников» Тютчев и написал свое стихотворение «Умом — Россию не понять...»? И упоминание в письме Тютчева от 27 ноября дочери Марии Федоровны как желающей встретиться с Майковым и послушать его стихи оказывается знаменательным: именно в списке стихотворения в альбоме М. Ф. Тютчевой-Бирилевой и указана дата создания стихотворения³.

Итак, всё сходится. Можно ли понять этих Странников, почти мгновенно переходящих от преступления к молитве, от покаяния — к новому преступлению? Можно ли к этим бегунам (а за пределами поэмы остались стригуны, трясуны и многие другие) применить общий аршин? Можно ли принять всё это? Не получается. Но верить-то хочется. Вот и остается — только верить.

Если учитывать этот конкретный повод возникновения, стихотворение «Умом — Россию не понять...» много потеряет в своем пафосе. Конкретность повода придаст и общему содержанию стихотворения конкретность, а глобалистические тенденции, наоборот, умерит. Более того, этот конкретный случай покажет нам, какую Россию отказывался понимать умом Тютчев (мы сами такую не очень-то понимаем или только прикидываемся, что понимаем). Ну, а не верить в эту Россию тоже нельзя — русскому писателю, консерватору не столько по образу жизни и складу характера, сколько по убеждению.

¹ Литературное наследство. Т. 97: Федор Иванович Тютчев. М.: Наука, 1989. Кн. II. С. 484.

² Тютчев Ф. И. Полное собрание сочинений и писем. Т. 6. С. 188.

³ Там же. Т. 2. С. 530. Эта же дата повторена и в изд.: Стихотворения Ф. Тютчева / Подгот. И. Ф. Тютчев и И. С. Аксаков. М., 1868. С. 230.

Иван Аксаков пришел к славянофильскому консерватизму естественным путем — по рождению, он родился в семье, где отец и старший брат усиленно насаждали славянофильский стиль жизни (не только идеи). Тесть его Тютчев шел иным путем: от идей, и к поведению он так и не дошел, он так и остался учеником своего зятя. Именно поэтому стихотворение «Умом — Россию не понять...» нельзя признать исключительно славянофильским. Оно стоит в одном ряду с песней Гриши Добросклонова про «убогую и обильную», «могучую и бессильную матушку Русь». Оно стоит в одном ряду с рассуждениями о России Штольца и России Обломова, так и не слившихся в Ольге, которая, выйдя замуж за Штольца, осталась Ильинской. Оно стоит в одном ряду со стихами о России А. Блока и А. Пушкина, которому «что-то слышалось родное в долгой песне ямщика: то разгулье удалое, то безбрежная тоска». И так далее, и так далее — вплоть до сегодняшнего Интернета.

Только ли в нем упоение государственной идеей и национальной особостью? Нет ли в нем того самого стеба, который теперь так упорно его, это стихотворение, пародирует?

Чтобы избавиться от смущения, которое естественно при разговоре о Тютчеве и себе, я напомним одно редко упоминаемое стихотворение Тютчева:

Куда сомнителен мне твой,
Святая Русь, прогресс житейский!
Была крестьянской избой —
Теперь ты сделалась лакейской¹.

Первый публикатор этого стихотворения Г. И. Чулков относил его к 1860-м гг.²; позднее К. В. Пигарев стал датировать его 1850-ми гг.³. Как можно думать, на эту датировку повлияли штампы советского времени: лучше пускай великий поэт критически относится к мрачной эпохе Николая I, чем к эпохе реформ и освобождения крестьян. Однако современные комментаторы не учитывают этого и идут вслед за К. В. Пигаревым⁴. Но если мы недатированное стихотворение «Куда сомнителен мне твой...» поместим в пространство 1860-х гг., то явно не сразу же после крестьянской реформы, а хотя бы через пару лет после нее, чтобы Тютчев успел приглядеться к переменам в России. А если его датировать как минимум 1863 г. и далее, то оно окажется близко по времени к нашему стихотворению «Умом — Россию не понять...» и составит с ним замечательную взаимодополняющую пару, в которой очевидно звучит ирония поэта по поводу исторических судеб России⁵.

¹ Там же. Т. 2. С. 99.

² Чулков Г. И. Ф. И. Тютчев и его эпиграммы // Былое. 1922. № 19. С. 72.

³ Тютчев Ф. И. Лирика: В 2 т. / Подгот. К. В. Пигарев. М.: Наука, 1965. Т. 2. С. 371.

⁴ Тютчев Ф. И. Полное собрание сочинений и писем. Т. 2. С. 454—455.

⁵ Об ироническом характере историософских стихов Тютчева 1850—1870-х гг. (правда, в их числе не называется стихотворение «Умом — Россию не понять...») см.: Ни-

А таких стихов у Тютчева найдется не пара, а значительно больше. Только они еще не прочитаны, а Тютчев воспринимается поэтому как примитивный ортодокс, не способный к стереоскопическому взгляду на предмет художественного изображения. Но это — дело других работ и других авторов.

Я вовсе не рассчитываю публикацией своего наблюдения перевернуть мир. Потребовалась бы массированная государственная акция, потребовалась бы специальная государственная программа по пропаганде моего сочинения, чтобы изменить отношение русских и нерусских к этому стихотворению, но это вовсе не в государственных интересах. Но и при таких капитальных вложениях даже через десять лет успешной пропагандистской программы и репрессивных мер по изъятию всех «левых» интерпретаций «Ума России» из Интернета всё равно где-то в Японии да в деревне Пепёлышеве найдется пара людей, которые будут усердно твердить, что «умом — Россию...».

Иначе сказать, я вовсе не рассчитываю изгнать тютчевские стихи из массового сознания современников и потомков. Я просто предлагаю коллегам прокомментировать его собрание сочинений.

И.Е. Иванова

НОВОГОДНИЙ (СВЯТОЧНЫЙ) РАССКАЗ НА СТРАНИЦАХ «ТВЕРСКИХ ГУБЕРНСКИХ ВЕДОМОСТЕЙ» XIX ВЕКА

В отечественном литературоведении неоднократно отмечалось, что последняя треть XIX в. — время окончательного формирования жанра святочного рассказа, истоки которого восходят к фольклорно-обрядовой традиции.

Характеризуя этот период с точки зрения особенностей бытования и развития жанра святочно-рождественского рассказа, Е.В. Душечкина отмечает, что он был отличен, с одной стороны, завершением формирования жанра, с другой — стал «временем его кризиса»¹.

Кризис жанра, по мнению Е.В. Душечкиной, проявлялся в следующем: «... писатель либо вертелся в кругу приевшихся читателю сюжетных форм, либо должен был ломать границу и выходить за пределы жанра»². В связи с этим положением О.Н. Калиниченко, например, выделяет в своей монографии несколько образцов жанра, опираясь на тематико-семантический анализ святочных рассказов, опубликованных с

колаева Т. В. Историсофская поэзия Ф. И. Тютчева в контексте развития русской поэзии XIX века: Автореф. дисс... канд. филол. наук. Кострома, 2006. С. 14.

¹ Душечкина Е.В. Русский святочный рассказ: Становление жанра. СПб.: Изд-во СПб.ун-та, 1995. С. 207.

² Там же, 229.